

Разинова Елизавета

23.03.92.

истоки

Рос. газета. - 1992. - 23 марта.

На Западе ее называют «царицей русского романса»

Когда завершились съемки фильма «Очи черные», был устроен большой банкет. Синьор Мастрояни выглядел слегка утомленным, и даже появление на подиуме пары цыган в шелковых рубахах не помогло избавить его от хандры. Маэстро равнодушно ловил скользкую маслину и беседовал с итальянцами о чем-то своем. А потом через переводчика вдруг попросил исполнить «Очи».

Цыгане замялись. Без оркестра, без скрипок, передали они, это невозможно. И тогда, говорят очевидцы, вышла женщина с гитарой. Невысокая и просто одетая, которую никто из важных гостей прежде в глаза не видел. И запела.

Зал притих, а знаменитый итальянец, чтобы лучше слышать, перегнулся через стол и не отрывал салфетки от влажных глаз. Ему кинулись переводить, но он лишь мах-

нул рукой и бисировал до самого вечера. А на прощание достал свою фотографию и подписал размашисто: «Лизе от Марчелло. С восхищением и преклонением»...

Так, рассказывают, началась дружба Елизаветы Разиновой с Мастрояни. Во многом благодаря ему московской собирательнице романсов, известной прежде только узкому кругу ценителей жанра, удалось пробиться на сцены концертных залов Европы.

Привыкшая выкладыватьсь без остатка, она удивляла в первую очередь своих западных коллег. Борис Рубашкин пригласил как-то выступить вместе с ним в одном концерте и, глядя из-за кулис, как она поет, пришел в негодование: «Лиза, опомнись, если ты будешь всегда так работать, сгоришь, как свеча!». Шестиде-

сятилетний румяный здоровяк, потомок русских эмигрантов, он уже давно гастро- лирует под «фанеру» и ничего от этого в материальном смысле не потерял.

Успех к Елизавете пришел после первого же турне. Аншлаги, цветы, толпы поклонников — пожалуй, никогда в жизни не получала она такого яркого и выразительного признания. Избалованная вроде бы зреющими, тамошней публика, от безузыых легкомысленных тинейджеров до солидных господ в твидовых пиджаках, буквально ломилась на встречи с «царицей», «Пиаф русского романса», как окрестили ее итальянские и германские газеты.

«Слушая Разинову, получаешь изысканное наслаждение, сравнимое с дегустацией старого превосходного вина», — говорил обозреватель «Немецкой волны» на

следующий день после ее выступления в боннском театре «Пантеон». А Кристофер Пирс, известный английский менеджер, «сделавший» в свое время самого Демиса Руссоса, услышал одну из работ Елизаветы на международной музыкальной ярмарке в Канне и при встрече признался: «Я не понимаю по-русски, не знаю, о чем ваши песни, но я, кажется, раскрыл тайну вашего успеха. Вы — настоящая...»

Всю жизнь положившая на розыски и восстановление лучших русских романсов — а в ее коллекции больше пятисот произведений, в основном XIX и начала XX века, — она наконец получила возможность дарить их людям. Немцам, французам, итальянцам, финнам, грекам — всем, кроме своих соотечественников. Поскольку предложения фирм грамза-

пии, бесконечные приглашения сниматься в кино, домогательства ушлых антрепренеров и прочие атрибуты повседневной жизни западной звезды оставляют Елизавету, едва она переступает порог родного Шереметьева-2, возвращаясь домой. Здесь ее, как и прежде, ждут лишь эпизодические выступления в небольших клубах, а раз в год, если повезет, парторка номеров на радио или ТВ.

Сложно сказать, чем в большей степени объясняется этот парадокс: испорченным ли вкусом, нашего «среднего» соотечественника, дилетантством шоу-менеджеров или невежеством чиновников от культуры. Но факт остается фактом: в который раз приходится мириться с мыслью, что подлинно русское национальное искусство оказывается намного нужнее и ближе по духу западным людям, чем нам с вами. И у кого после осознания этого поднимется рука бросать камни в артистов, вынужденных покидать свою страну?

Сергей НИКИТИН.

Р. С. Сегодня вечером в столичном Доме медиков на Герцена, 19 Елизавета Разинова дает концерт. Быть может, один из последних в России.